

КРИЗИС ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Аннотация: Человек живет в мире напряженной нравственно-психологической мотивации. Он соотносит свои поступки не только с каждодневными интересами, но и с идеалом, абсолютом. Это особенно заметно в современной России, которая неожиданно столкнулась с множеством ценностных ориентаций, которые требуют неотложного выбора.

Ключевые слова: философия, психология, ценности, ценностный вакуум, традиция, аксиология, культура.

P.S. GUREVICH

A CRISIS OF VALUE ORIENTATIONS

Abstract: A human being lives in the world of strained moral and psychological motivation. He correlates his actions not only with daily interests but also with the ideal, the absolute. This is especially evident in modern Russia, which suddenly met with multiple value orientations requiring urgent choice.

Key words: philosophy, psychology, values, value vacuum, tradition, axiology, culture

Животворящая святыня

Все чаще в практической жизни возникают, казалось бы, лишние в житейском контексте вопросы: зачем? во имя чего? ради каких святынь? Помните в фильме «Девять дней одного года» М. Рома разговор двух физиков. Один из них предлагает герою пойти к нему в институт, что повлечет за собой получение квартиры и другие блага. – А зачем? – спрашивает вдруг ученый. И собеседник отвечает обыденно и тускло:

- Жить...

Писатель Андрей Битов рассказывал о послевоенном времени, когда ощутить себя сытым, можно было только, если съешь не одну, а две тарелки супа. Тарелкой супа сегодня никого не удивишь. Но в каждодневном гоне, в житейской сутолоке все чаще у людей возникает вопрос: «Ради чего?». Представьте себе, вам говорят: вон там виднеется овраг, надо во что бы то ни стало, не щадя жизни, добраться до него и там обосноваться. Но почему овраг дороже жизни? А теперь иначе: «видите те три березки, это часть русской земли, которая принадлежала нашим дедам, мы должны ценой жизни, если понадобится, отбить ее у супостата». Я изложил мысль Н.А. Бердяева, который таким образом пытался объяснить, что такое ценность в человеческом существовании и как она придает смысл любому поступку.

Человек сам определяет, что для него свято. Однако многие духовные абсолюты у людей тождественны, одинаковы. О том, что у человека могут быть безмерно дорогие жизненные установки, знали давно, но общепринятого слова, которое отражало и закрепляло бы их, не было. Незыблемую, сокровенную ориентацию философы называли «ценностью». Это и есть то, без чего человек не мыслит полноценной жизни. Социологи подразумевают под ценностью то, что свято для конкретного человека, для группы людей и для всего человечества.

Сами ценности родились в истории человеческого рода как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом рока и тяжелых жизненных испытаний.

Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, придают смысл человеческой жизни.

В разных культурах мы можем обнаружить одни и те же ценности. Однако они выстраиваются в определенную иерархию. Иначе говоря, то, что в одной культуре занимает высокое положение, в другой оказывается на ином месте. Поэтому культура – это выстроенность ценностей, их своеобразное подчинение.

Марксистски ориентированная социология не учитывала этот важнейший аспект бытия. Величие К. Маркса в том, что он раскрыл роль интересов в социальной жизни. Он показал, что отдельный человек и классы в целом защищают в истории собственные потребности и мечты. Если хочешь понять смысл исторического поворота, отыщи и осознай те интересы, которыми руководствуются люди. Для определенного времени это положение было важным открытием социальной философии. Но и сегодня, прослеживая логику политической истории, мы явственно видим столкновение интересов, без которого невозможно понять смысл происходящих событий. О том, что существуют иные, более глубинные мотивы человеческого поведения, К.Маркс, судя по всему, не догадывался.

Не удивительно, потому что аксиология как наука о ценностях родилась в конце XIX века, когда исследователям открылся этот новый этот новый пласт человеческого бытия. В жизни конкретного человека, как и в истории народов, мы видим многочисленные примеры, когда люди действуют не ради корысти, а ради осознанных интересов, а во имя высоких целей, одухотворяющих святынь. Святым великомученикам Борису и Глебу кричали: убейте вашего брата, который незаконно завладел тронem и теперь наверняка убьет и вас. «Нет, - отвечали братья, - если ради власти нужно пролить кровь, мы ни ступит и шагу. А если, чтобы сохранить свою жизнь, нужно занести топор, мы лучше покорно уйдем из этой жизни».

В конце второй мировой войны японский император добровольно отрекся от престола, ради спасения страны. Это был великий выбор, который принес ему известность, но лишил священной власти. А индийский лидер Махатма Ганди не призвал свой народ отстаивать свои интересы с оружием в руках. Напротив, он предложил индийцам противопоставить Западу собственные традиции и святыни, чтобы сохранить свою идентичность.

История окажется весьма обедненной, огрубленной, если мы устраним этот ценностный фундамент жизни. Люди отстаивают свои интересы, реализуют собственные цели. Но порой с предельной остротой возникают перед нами смысложизненные вопросы: зачем мы живем, что придает нашей жизни осознанное очарование, каковы наши одухотворяющие цели? Ценности позволяют нам подняться над прозаической суетностью, над прозой жизни, над утилитарностью повседневности.

Люди по-разному относятся к жизни и даже к самой ее ценности, к труду, к преобразованию бытия как смыслу человеческого существования. Марксисты, оценивая возможный ход событий, фиксировали классовые установки, полагая, что образ жизни людей повсюду одинаков и определяется, в конечном счете, экономическим расчетом.

Процесс социальных преобразований начинается в глубинных недрах жизни. Представим себе: в традиционный быт вторгается нечто неожиданное. Допустим, в иранской семье оказывается американский журнал «Плейбой». Картинки другой жизни впечатляют, захватывают воображение. Это грозит разрушением вековых устоев. Журнал обнаружен и членов семьи расстреливают за оскорбление норм шариаата. Но «проклятые картинки» по-прежнему будоражат общественное сознание. Социальные интересы пока вообще не

обсуждаются, а ломка привычных представлений уже началась. Проницательный футуролог может уже рассуждать о том, что случится здесь через несколько лет.

Несколько десятилетий назад индийские власти попросили советское телевидение создать фильм о нацизме, чтобы в Индии знали, каким жестоким был этот режим. Подготовленный материал люди нашей страны, опаленные войной, не могли смотреть без дрожи и негодования. Кадры рассказывали о «фабриках смерти». Длинной чередой шли заключенные, убежденные в том, что их ведут в баню. Они оставляли одежду, переходили в другой барак, продвигались в газовый отсек, откуда их отправляли в печь. Из трубы валил густой дым...

Но в Индии этот фильм не произвел должного впечатления. Смерть человека в стране, где каждая жизнь есть лишь пролог к следующей инкарнации, не считается трагедией. Зато завораживает техника. Население страны огромно, хоронить трупы негде, а тут – на экране мощный конвейер, обеспечивающий драгоценную для плодородия золу. Гибель людей заслоняется другой темой – мечтой о техническом прогрессе. Неужели люди Индии глухи к страданиям людей? Конечно, нет... Просто различны ценностные ориентации.

Ломка вековых ценностей

Мы живем в эпоху коренной ломки вековых ценностных ориентаций. Раннебуржуазная этика рассматривала труд как потребность человека и призвание жизни. Люди той эпохи считали, что человек, который не трудится, достоин презрения. Однако сегодня во многих цивилизованных странах говорят о крушении «этики труда». В раннебуржуазных странах люди работали в полную силу, оставляя лишь несколько часов на отдых. Но постепенно в общественном сознании укрепилось другое представление: труд – не самое насущное для человека. Нужны деньги, чтобы развлекаться, наслаждаться радостями жизни. А деньги можно получить, и не трудясь в «поте лица своего», а просто если улыбнется удача. Не исключено, скажем, использовать свой шанс в лотерее или принять участие в телевизионной викторине. Да мало ли как богатеют люди, не приложившие особого труда для своего благоденствия. Теперь во всем мире сетуют на отсутствие трудолюбия, размышляют над тем, как вернуть труду статус сверхзначимой жизненной ориентации.

Процесс смены ценностей, как правило, длителен. Но порою он принимает форму неожиданной перестройки всей системы представлений. К тому же ценностные ориентации одной, ушедшей эпохи могут возрождаться, обретать неожиданное звучание в другую эпоху. С этой точки зрения можно сказать: культура обладает некой сокровищницей, набором ценностных ориентаций, которые группируются в зависимости от преобладающей тенденции в обществе. Эту мысль М.М. Бахтин выразил следующим образом: «Человек однажды действительно утвердил все культурные ценности и теперь является связанным ими. Культурные ценности – это самоценности. Живому сознанию надлежит приспособиться к ним, утвердить их для себя...»

Иногда возникает иллюзия, будто все ее ценности имеют вечный, непреходящий, общеисторический характер. Однако это не так. В каждой культуре рождаются, расцветают и умирают свои идеалы. Но это вовсе не означает, будто вместе с культурой гибнут и ее ценности. Они могут возродиться в другой культуре. Наконец, культуры как бы аукаются, перекликаются между собой, существуют межкультурные ценности, которые не отменяют специфических ценностей каждой культуры.

Итак, в современном мире произошла грандиозная этическая революция. То, что было ориентиром для людей на протяжении четырех столетий, постепенно утрачивает свою силу.

Весной 2005 года редактор отдела культуры датской газеты Jyllands-Posten Флемминг Роуз опубликовал карикатуры на пророка Мухаммеда. Эти материалы вызвали огромный скандал, захвативший исламский мир. Детский писатель, который писал книгу про пророка Мухаммеда выступил в прессе, заявив, что он не может найти для нее художника: все карикатуристы боялись за свою жизнь. Впоследствии удалось обязать художников, но они настаивали на анонимности. Мы восприняли это как самоцензуру. Во-первых, карикатуристы помнили судьбу голландского режиссера Тео Ван Гога, убитого исламистами. Во-вторых, жив в памяти пример голландской женщины-политика Аян Хирши Али, написавшей книгу, по которой и был снят фильм Ван-Гога – она живет в подполье уже два года.

Недавно один известный датский комик давал интервью и сказал, что он без проблем может изобразить сюжеты из Библии, но боится делать то же самое, используя Коран. Последний подобный пример – это когда на недавней встрече с имамами один из религиозных лидеров призвал главу государства вмешаться в работу датской прессы с тем, чтобы ислам получил более положительный образ. В Дании этот призыв был воспринят как призыв к цензуре датской прессы, а это противоречит ценностям западного мира – в частности, свободе слова. Тогда у Ф. Роуза возникла идея написать письмо членам Союза карикатуристов и попросить их нарисовать Мухаммеда так, как они его видят (это было принципиальным требованием), а потом опубликовать работы.

Гнев мусульман вызвала лишь одна карикатура, где пророк Мухаммед был изображен в тюрбане, из которого торчит тлеющий фитиль. Но из этого рисунка, по мнению Роуза, ни в коем случае не следует, что Мухаммед или все мусульмане – террористы. Карикатуры были напечатаны исключительно для внутренней датской, ну, максимум для скандинавской дискуссии о взаимоотношении свободы слова и религии. В Дании большинство мусульман интегрируются в общество, они – мирные люди, которые хотят спокойной и обеспеченной жизни. Но есть небольшая группа радикалов, которые хотят, как полагает Роуз, учредить в Дании закон шариата. Мусульманам запрещено изображать пророка, в каком бы то ни было виде. Но Дания – не религиозное государство, а современное светское, и ни одна религия не может навязать датчанам свои порядки и табу.

Роуз считает, что всё, что происходит сейчас на Ближнем Востоке, ничего общего с рисунками не имеет. Те люди, которые жгут посольства, не видели карикатур и не читали текст. На протяжении последних месяцев группа радикальных имамов из Дании ездила в Ливан, Сирию и Египет и нарочно подогревала общество. Они сказали, что в Дании готовится новый перевод Корана, в котором цензуре подвергается слово «Бог», и это, по исламским традициям, серьезный грех.

В Нигерии протесты местных мусульман, спровоцированные карикатурным скандалом, обернулись христианскими погромами. Озверевшая толпа, вооруженная железными прутьями, мачете и дубинками, спалила одиннадцать церквей. Забиты насмерть более полутора десятков человек, и это несмотря на то, что христианская община осудила датские карикатуры. В числе погибших – несколько детей. Одну из жертв сожгли заживо: на человека надели автомобильную крышку, облили бензином и подожгли. Конечно, противостояние между мусульманами и христианами в Нигерии родилось не сегодня и не вчера, однако картинки в датской газете стали подходящим поводом для резни.

Кровью обернулась карикатурная история и в Ливии. Несколько сот ливийцев пытались взять штурмом итальянское посольство в Бенгази. Полиция применила силу – погибли одиннадцать человек. За гнев против Италии, по-видимому, ответствен итальянский министр по делам реформ Роберто Кальдероли, член праворадикальной Северной Лиги. Этот сеньор появился недавно на публике в футболке с карикатурами на пророка Мухаммеда – в знак солидарности, по его словам, с теми, кто стал жертвой «слепого религиозного насилия». В Ливии – некогда итальянской колонии – этот жест расценили как вызов.

Итальянскому премьеру Берлускони не осталось ничего иного, как возложить вину за кровавые события в Бенгази «на бессмысленные действия нашего министра», в результате чего Роберто Кальдероли пришлось подать в отставку. Ливийского министра внутренних дел за неадекватное применение насилия также сняли с должности. Из-за карикатур будут, видимо, убивать и дальше. Пламенных призывов на этот счет хватает, да к тому же подкрепленных обещаниями материальной выгоды: так, один пакистанский мулла посулил миллион долларов тому, кто сумеет убить кого-нибудь из датских карикатуристов.

Столкновение ценностей разных цивилизаций вызвало множество разноречивых мнений. Верующие мусульмане сочли себя оскорбленными, их реакция, полагают некоторые, была чрезмерной. Однако карикатуры на пророка для мусульманина равносильна разрушению храма. Вместе с тем возникло мнение, что исламисты посягают на такую ценность западной культуры, как свобода слова. Другие люди, безоговорочно стали на сторону исламистов: нельзя оскорблять чужую веру.

Ценностный вакуум

«Здоровая» культура обладает щедрой палитрой ценностей. Они разнообразны и представлены в широком диапазоне. Кризисная культура, напротив, стремится обуздать спектр ценностных ориентаций, стянуть их к нескольким точкам, обескровить содержание культуры. Сегодня в отечественной культуре наметилась очевидная опасность, связанная с ценностным вакуумом.

Мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты. Каждый день и каждый час предлагают новый смысл, и каждого человека ожидает другой смысл. Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл. Из всего этого вытекает, что смысл, о котором идет речь, должен меняться от ситуации к ситуации, так и от человека к человеку. Однако смысл вездесущ. Нет такой ситуации, в которой нам не была предоставлена жизнью возможность найти смысл, и нет такого человека, для которого жизнь не содержала бы наготове какое-нибудь дело. Возможность осуществить смысл всегда уникальна, и человек, который может ее реализовать, всегда неповторим.

В жизни не существует ситуаций, которые были действительно лишены смысла. Это можно объяснить тем, что представляющиеся нам негативными стороны человеческого существования – в частности, трагическая триада, включающая в себя страдание, вину и смерть, – также могут быть преобразованы в нечто позитивное, в достижение, если подойти к ним с правильной позиции и с адекватной установкой.

И все же дело доходит до экзистенциального вакуума. И это – в сердце общества изобилия, которое ни одну из базовых, по А. Маслоу, потребностей не оставляет неудовлетворенной. Это происходит именно оттого, что оно только удовлетворяет потребность, но не реализует стремление к смыслу. Общество изобилия порождает и изобилие свободного времени, которое, хоть, по идее, и предоставляет возможность для

осмысленной организации жизни, в действительности же лишь еще сильнее способствует проявлению экзистенциального вакуума.

Ныне мы живем в эпоху разрушающихся и исчезающих традиций. Поэтому, вместо того, чтобы новые ценности создавались посредством обнаружения уникальных смыслов, происходит обратное. Универсальные ценности приходят в упадок. Поэтому все большее число людей охватывается чувством бессмысленности и пустоты, или экзистенциальным вакуумом. Тем не менее, даже если все универсальные ценности исчезнут, жизнь остается осмысленной, поскольку уникальные смыслы остаются не затронутыми потерей традиции. Конечно, для того чтобы человек мог найти смыслы даже в эру отсутствия ценностей, он должен быть наделен в полной мере способностью совести. Можно, следовательно, утверждать, что в такие времена, как наши, во времена, можно сказать, экзистенциального вакуума, основная задача образования состоит не в том, чтобы довольствоваться передачей традиций и знаний, а в том, чтобы совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить уникальные смыслы.

Сегодня образование не может оставаться в русле традиции, оно должно развивать способность принимать независимые аутентичные решения. Во времена, когда десять заповедей теряют, по-видимому, свою безусловную значимость, человек более чем когда-либо должен учиться прислушиваться к десяти тысячам заповедей, возникающих в десяти тысячах уникальных ситуаций, из которых состоит его жизнь. И в том, что касается этих заповедей, он может опираться и полагаться только на совесть. Живая, ясная и точная совесть – единственное, что дает человеку возможность сопротивляться эффектам экзистенциального вакуума – конформизму и тоталитаризму.

Все больше людей жалуются на то, что они называют «внутренней пустотой». В противоположность предельным переживаниям, так хорошо описанным А. Маслоу, экзистенциальный вакуум можно считать «переживанием бездны».

Экзистенциальный вакуум – это феномен, который одновременно усиливается и распространяется. Как с ним справиться? Можно предположить, что нам следует поддерживать здравую философию жизни, чтобы показать, что жизнь реально имеет смысл для каждого человека. Основные проявления экзистенциальной фрустрации – скука и апатия – стали вызовом образованию, так же как и психиатрия. В эпоху экзистенциального вакуума образование не должно ограничиваться и удовлетворяться передачей традиций и знаний, оно должно совершенствовать способность человека находить тех уникальные смыслы, которые не задеты распадом универсальных ценностей.

В России ценностный вакуум особенно очевиден, поскольку он сопряжен с распадом базовых ценностей – патриотизма, нравственного здоровья, национальной идеи. Государство сильно тогда, когда люди гордятся своим отечеством. Например, в США быть не патриотом считается дурным тоном. Каждый норовит во что бы то ни стало показать свою преданность родине. Когда самолет пересекает пространство, на котором находится страна, американцы встают и поют свой гимн. Средний американец идет в магазин, покупает флаг необходимого размера и украшает им принадлежащую ему собственность. Так же поступает и его сосед. В результате вся страна расцвечена звездно-полосатыми флагами, вывешенными на домах (снаружи и внутри), деревьях, автомобилях, столбах и т.д. Американцы носят кепки, куртки, штаны, купальники, плавки с государственной символикой.

Фермер, который находится в дальнем районе, начинает свое рабочее утро с того, что поднимает государственный флаг. Живя в США, человек не имеет обыкновения плохо отзываться об этой стране. Традиционный вопрос, который задают тем, кто собирается жить

в США, нравится ли им эта страна. Причем уже сам вопрос вовсе не предполагает, что приезжий начнет взвешивать «за» и «против». От него ждут лишь возгласа восторга.

Каждую культуру можно представить себе как набор конкретных разделяемых большинством ее представителей ценностей, находящихся в определенной иерархии. Говоря о какой-либо культурной эпохе, мы можем сказать, что люди, жившие в ту пору, имели определенные святыни. Изменились эти духовные абсолюты, и наступила другая эпоха.

Ценность фиксируется и обозначается через определенные жизненные представления. Ее содержание раскрывается с помощью конкретного комплекса идей. Однако ценность ни в коей мере не может быть отождествлена с идеей, ибо между ними пролегает существенное, принципиальное различие. Идеи могут быть истинными и ложными, научными или религиозными, философскими или мистическими. Они характеризуются через тот тип мышления, который им дает нужный импульс. Главный критерий в данном отношении – степень истинности той или иной идеи.

Что же касается ценностей, то они тоже ориентируют человеческую деятельность в определенном направлении, однако не всегда в соответствии с результатами познания. Например, наука утверждает, что все люди смертны. Это вовсе не означает, что каждый индивид воспринимает данное неопровержимое суждение как безусловное благо. Напротив, в сфере ценностного поведения человек как бы опровергает безоговорочность приведенного суждения. Человек в своем поведении может отвергать конечность своего существования. Более того, традиции некоторых культур опровергают идею смертности человека.

Личность далеко не всегда стремится жить по науке. Напротив, многие с опаской относятся к ее чисто умозрительным рекомендациям, хотя погружаются в теплый мир мечты, презрев общезначимые реальности. Человек черпает жизненную энергию в том, что, по существу, противостоит холодному научному постулату. Стало быть, ценность – это понятие иное, нежели одухотворяющая истина.

Наука по своему определению отдалена от ценностей. Представим себе такую картину. На лужайке пасется ягненок. Вдруг появляется волк и разрывает его на части. Наука, разумеется, способна объяснить, что тут произошло. Однако само это истолкование, по существу, не затронет вопроса о смысле эпизода. Ученый может сказать: хищники поедают травоядных – так устроен мир. Однако отчего и во имя чего ягненок оказывается жертвой? Увы, такой вопрос не соотнесен с логикой науки как средством объяснения мира.

Однако было бы не вполне точно отождествлять ценность только с субъективным образом, с индивидуальным предпочтением, возникающим в противовес аналитическому, всеобщему суждению. Разумеется, спектр ценностей в любой культуре широк, но не беспределен. Человек волен выбирать те или иные ориентации, но это происходит не в результате абсолютного своеволия. Иначе говоря, ценности обусловлены культурным контекстом и содержат в себе некую нормативность.

Человек соизмеряет свое поведение с нормой, с идеалом, целью, которые выступают в качестве образца, эталона. Понятия «добро» или «зло», «прекрасное» или «безобразное», «праведное» или «неправедное» могут быть названы ценностями, а связанные с ними взгляды, убеждения людей – ценностными идеями, которые могут оцениваться как приемлемые или неприемлемые, оптимистические или пессимистические, активно-творческие или пассивно-созерцательные. Именно в этом значении те ориентации, которые обуславливают человеческое поведение, называют ценностными. Люди постоянно соизмеряют свои действия со своими целями, общепризнанными нормами. В истории сталкиваются различные идеалы, абсолюты и святыни. Ценности также более подвижны,

нежели культурно-исторические стандарты. В рамках одной культуры может произойти смена ценностных ориентаций. Американский социолог Д. Белл в работе «Культурные противоречия капитализма» показал, что на протяжении исторической судьбы капиталистической формации радикально менялись ценностные ориентации от протестантской этики до модернизма, то есть совокупности новых жизненно-практических установок. [См. 2]

Ценность – это личностно окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но собственного жизненного опыта людей. Понятие ценности крайне значимо для уяснения специфики культуры.

Важнейшая задача аксиологии состоит в том, чтобы обосновать абсолютные ценности. Между тем куда бы мы ни обратили свой взор, мы всюду обнаруживаем ценности относительные. Вот что писал по этому поводу русский философ Николай Онуфриевич Лосский (1870-1965): «Быстрый бег гончей собаки, преследующей зайца, - добро для гончей и зло для зайца; в осажденной крепости, где гарнизон страдает от недостатка съестных припасов, съедание хлеба одним солдатом есть благо для него и бедствие для другого солдата; любовь Анны Карениной и Вронского – счастье для Вронского и несчастье для мужа Карениной; преодоление Карфагена Римом – счастье для Рима и бедствие для Карфагена» [1, с. 288].

Блез Паскаль говорил, что ветка никогда не сможет понять смысл всего дерева. Не напрашивается ли предположение, что человек в мире занимает лишь кажущееся положение завершающей ступени развития, что его положение является превосходящим лишь в рамках природы, только по отношению к животному; что в отношении «бытия в мире» (М. Хайдеггер) в конечном итоге можно сказать то же, что и об окружающих средах представителей животного мира.

Каждая культура содержит в себе набор святынь. Их соподчинение составляет внутренне устойчивое ядро культуры. Однако ценности, которые кажутся незыблемыми, со временем преобразуются. Только изменение ценностных ориентаций порождают социальную динамику. «Подвижные» социальные, культурные условия воздействуют на строй ценностей. Индивид черпает собственные практические и жизненные установки из арсенала человечества. Выбор ценностей для него свободен. Однако господствующие предпочтения составляют в нем стойкий костяк культуры как комплекса ценностей. В то же время на солидном историческом пространстве заметны разительные повороты в ценностном арсенале.

Список литературы:

1. Лосский, Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994.
2. Bell, D. Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976.

Сведения об авторе: Гуревич Павел Семенович – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Российского государственного торгово-экономического университета. Раб. тел.: 8 (495) 660-19-32 (доб. 304). E-mail: gurevich@rambler.ru.